

«Контурь экономики будущего»

*Какой окажется экономика будущего? Какие революционные технологии могут возникнуть? Случится ли переворот в энергетике? К чему в конечном итоге приведет кризис? Сколько времени замет переход от современной к новой модели экономического устройства? Почему на место глобализации должна прийти глубокая интеграция стран? Как возникнет новое регулирование и что усилит протекционизм? Чтобы получить ответы на эти вопросы мы обратились к руководителю Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО) **Василию Колташову**.*

Мировая экономика нестабильна, полна рисков уже несколько лет. Если судить по продолжительности кризиса, то ничего подобного не было очень давно. С чем связана такая ситуация?

Среди экономистов разных школ негласно не затухает спор о том, почему мировой экономический кризис продолжается так долго. Он проявился в 2008 году. Ценой невероятных денежных вливаний в корпоративный сектор была достигнута финансовая стабилизация 2010 года и неолиберальные экономисты смогли, наконец, перебивая оппонентов, с гордостью заявить о конце кризиса. Однако уже в мае 2011 года биржи просигналили о его сохранении. Летний застой перешел в осенний обвал. По итогам 2011 года видно, что до конца глобального кризиса еще далеко; на повестке дня депрессия в ЕС.

Суммарно кризис тянется уже четыре года, что уже почти равняется продолжительности Великой депрессии 1929-1933 годов или кризисов 1899-1904 и 1873-1878 годов. На преодоление современного кризиса не сработали никакие меры из примененных. После колоссальных трат на борьбу с ним США, Евросоюза и других стран, миру грозит лишь новое его обострение. В Западной Европе оно уже является фактом, Россия пока с тревогой ожидает последствий для себя. Хотя отток в 2011 году из страны более 80 млрд долларов говорит о многом, это еще не все. В конечном итоге мировое хозяйство должно будет перейти от спада к депрессии. Лишь на этом этапе кризиса начнется оформление новой экономической реальности на планете.

Все, что мы видели в 2008-2011 годах, это попытки политически (при неработающих экономических механизмах) сохранить старую модель глобальной экономики, неолиберальный капитализм. Позади четыре года отчаянных усилий правительств реанимировать, перезапустить модель, сохранявшую эффективность почти три десятилетия. Но если в 1982-2008 годах на планете успешно шла финансовая (отнюдь не общая) глобализация, то, что привело данную модель капитализма к столь тяжелому кризису? Чаще всего экономисты говорят о неких финансовых причинах кризиса. И это совершенно неверно. Кризис имеет объективные причины, связанные с реальной экономикой, а не ее надстройкой. В основе его лежит исчерпание низового спроса, возможностей роста на старой технологической базе и многое иное.

Вы могли бы подробнее рассказать о природе кризиса?

Развитие мировой экономики носит волновой характер. Эти волны, открытые отечественным экономистом Николаем Кондратьевым, по продолжительности колеблются от 16 до 30 лет. Всякий раз они начинаются и завершаются большими экономическими

кризисами. Эти кризисы и сами волны начинают проследиваться со времени долгого кризиса XIV века. Мы видим острые кризисы еще в эпоху торгового капитализма — в 1560-е годы, в середине XVI века. Особое значение имел кризис 1770-х годов, породивший промышленную революцию и промышленный капитализм. Уже с этого времени мир знал малые экономические циклы с периодичностью до 10 лет.

Все это не классическая, а измененная в ходе наших исследований теория волн. Волны бывают повышательные и понижательные. Понижательные периоды развития характеризуются территориальным расширением мирового рынка (вовлечением новых областей), экспансией капиталов вовне. Повышательные волны сменяют понижательные, когда экстенсивное использование ресурсов теряет эффективность, а положительный результат может дать лишь максимально рациональное их применение.

В 2001-2007 годах кредитование населения маскировало истощение возможностей низового спроса. С другой стороны нельзя было дальше снижать себестоимость товаров за счет привлечения еще более дешевых работников в странах периферии. Когда иссяк кредитный ресурс (даже низкие проценты на Западе стали неподъемными для должников), все заговорили о финансовых и инвестиционных ошибках лежащих в основе кризиса. Но они были только его следствием. Достаточно вспомнить, что распад советской системы расширил мировой рынок, придал системе устойчивость и динамизм. Казалось неуместным предполагать, что кризис может означать нечто большее, чем кратковременные неприятности для растущей экономики планеты.

Современный кризис подводит новую историческую черту. Закончен очередной понижательный период развития, связанный с ВТО, превалированием финансового капитала над производственным и ставкой на дешёвую рабочую силу при застое в энергетике. Особенного прогресса материалов тоже не наблюдалось. Повышательный период должен будет характеризоваться быстрым технологическим прогрессом индустрии, рождением новых отраслей и повышением производительности труда, удорожанием рабочей силы (из-за потребности в квалифицированных специалистах), увеличением общественной ценности знаний. Для капиталов в такие периоды характерна большая склонность к прямым инвестициям.

В чем состоял прошлый качественный перелом, связанный с кризисной эпохой 1970-х годов? Каковы были особенности неолиберальной модели мировой экономики?

Неолиберализм являлся не только моделью организации глобальной экономики, но и способом регулирования. Он пришел на смену кейнсианству, которое потерпело крах как политика в странах центра потому, что оказалось более невыгодным монополиям. Возникновение нелиберальной политики обеспечило корпорациям новые возможности накопления, а главное – приспособление к условиям, возникшим на планете в результате краха колониализма. Ресурсы бывших колоний и зависимых рынков были по-новому поставлены на службу капитализму. Немаловажной оказалась роль открывшихся с крушением «реального социализма» рынков. За счет них произошло типичное для многих понижательных волн территориальное расширение экономики мирового капитализма.

Большие кризисы и смена длинных волн всякий раз характеризуются переворотом в технологиях. Область переворота неизменно является необходимой для экономики: в 1970-е годы революция произошла в информационно-коммуникационной сфере. Без переворота в данной области, без появления и распространения персонального

компьютера, интернета и иных новшеств, было бы невозможно осуществлять из единых корпоративных центров управление множеством разбросанных по планете предприятий. Технологии обеспечили финансовую глобализацию. Крупные капиталы потребовали большого открытого рынка и получили его с помощью ВТО, ВБ и МВФ. Следом за капиталами свободу передвижения получили товары, но не рабочая сила. Глобализация характеризовалась соединением открытости рынков и раздроблением государственных образований, а так же стремлением запереть рабочую силу в локальных рынках. Это давало возможность капиталам выбирать наиболее выгодный рынок труда. Таким образом, никакого единого мирового рынка труда в 1980-2000-х годах не возникло и не могло быть.

Существует определение о глобализации как некоего нового объединения человечества. Такая либеральная абстракция не имеет ничего общего с конкретной экономической системой.

Неолиберализм процветал с 1980-х годов. Он прошел немало кризисов и сохранил эффективность. Однако он в наши дни вновь споткнулся о кризис, начав валиться в депрессию. Старое монетаристское лекарство не помогает экономике: она остается отягощенной и не в силах возвратиться к росту прежних лет. Оживления рынков сменяются спадами. Правительства отчаянно ищут выход не связанный для капитала с уступками наемным работникам, основным потребителям. Его нет, и не может найтись — в этом одна из причин затянутости кризиса. Практикуемая в ЕС «жесткая экономия» как способ поддержания финансовой стабильности за счет населения и, в конечном итоге, реальной экономики, усиливает кризис.

Почему монетаристские методы борьбы с кризисом не дают результата, по крайней мере устойчивого, и ведут к накоплению проблем и рисков?

Источником жизнестойкости кризиса является слабость потребителей. Вызываемая денежной эмиссией инфляция и «жесткая экономия» (повышение косвенных налогов, увольнения, урезания пенсий и пособий) ведут к дальнейшему разрушению спроса. Инвестиции правительств в банки не подталкивают их к вложениям в расширение производства, поскольку чаще всего нет оснований рассчитывать на выгоды. Правительства США и еврозоны, а следом и других старых индустриально развитых стран, пытаются не дать обрушиться банковским группам. Кризис просто пытаются заморозить, ничего не меняя. Этот курс привел к перегрузке государств долгами.

Заказчиком консервативной, монетаристской антикризисной политики выступают финансовые корпорации. Отсюда и массовые протесты, адресованные Уолл-стрит. Подспудно развивается кризис ВТО, идет гонка девальваций. Удорожание золота показывает, что по-настоящему надежных денег нет, а ведь еще в 1990-е годы золото и американская валюта шли вровень. Протекционизм постепенно нарастает и это порождает бесконечные заявления ВТО по этому поводу. Вступление в ВТО России не должно обманывать: открытие отечественного рынка связано со стремлением укрепить позиции сырьевого товарного вывоза в условиях возможного вскоре снижения спроса. Иран не случайно именно в начале 2012 года стараются выбросить с мирового рынка нефти. ЕС и США запретили поставку иранского «черного золота» на свои рынки.

Обострение мирового кризиса усилит кризис ВТО. Основанной на гегемонии западных корпораций системе международной торговли не избежать осложнений. Вопреки

собственным декларациям правительства все равно будут расширять протекционизм, причем пример здесь уже дают США. Во всей этой непростой обстановке встает вопрос о новом типе экономического регулирования.

Означает ли это, что кейнсианство вернется?

Кейнсианство не может просто вернуться как инструмент преодоления нынешнего глобального кризиса. Эта модель предполагала поддержание потребления в индустриально развитых странах за счет эксплуатации рабочей силы и природных ресурсов колониальной и полуколониальной периферии. Промышленной она стала лишь в эпоху глобализации. Однако старые центры потребления — Северная Америка и Западная Европа — разрушаются кризисом и неолиберальной борьбой против его последствий. Вздорожание сырья (сырьевой кризис 1960-х годов) подорвало основу кейнсианской экономики в странах центра. Взлет цен на нефть в 1973 году поставил здесь точку.

Какие черты будет иметь новое регулирование? Каковы должны быть условия перехода к новой модели экономики и развития?

Что мы сейчас имеем? Во многих государствах с периферийным типом экономики экономические проблемы породили социальный кризис и даже его революционные всходы. В старых индустриальных странах, центрах накопления капитала также есть все признаки социально-политического кризиса. Если, например, говорить о Европе, то кризис неолиберальной демократии виден отчетливо. Случайны ли эти, повторяемые от страны к стране ситуации? Безусловно, они порождены общими экономическими проблемами, преодолеть которые не удастся. Политическая система, как в центре, так и на периферии (чаще всего разного типа неолиберальные диктатуры) оказывается неподходящей для разрешения экономического кризиса. Более того, она мешает его естественному развитию. В 2009 году спаду в мировой экономике не дали дойти до дна, не дали обанкротиться «виновникам кризиса».

Естественное экономическое развитие кризиса, а значит и его будущее разрешение, заблокировано на политическом уровне. В результате политические кризисы с их последствиями выступают исторической формой разблокирования объективных процессов. Все остается в развитии, но можно ожидать, что в ближайшие годы мы увидим смену власти в очень многих государствах, резкие конституционные изменения и появление принципиально новой экономической политики. Активность общества будет возрастать, и оно будет формировать свои требования. Изменится заказчик экономической политики и нужно быть готовыми к масштабным национализациям, а также изменению правового понятия частной собственности — его сужению. Вообще есть два пути оформления перехода, революция сверху или революция снизу. Причем речь не идет ни о верхушечных изменениях, ни о «цветных революциях».

Изменение политической модели, ее демократизация, станет способом перехода к эффективному и качественно новому антикризисному курсу. Какие экономические задачи он должен будет решить? Во-первых, вопрос об этом не встанет объективно до обострения мирового кризиса. Процесс этот, как можно судить по неудовлетворительным итогам 2011 года, уже запущен. Потребуется признать официально первопричину кризиса — слабость потребительского спроса и сделать практические выводы. Дальнейшее снижение уровня жизни в США и ЕС делает это неизбежным. Разрушение старых внешних рынков сбыта

означает, что их придется создавать у себя — в рамках национальных экономик. Однако мало кто будет готов по правилам ВТО делиться этим плодом с другими, внешними поставщиками, что будет к тому же чревато высокой инфляцией.

На место финансовой глобализации придет регионализация, а с ней начнется глубокая интеграция соседних экономик. Зародыш процесса можно видеть уже в образовании Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии. Однако развитие процесс получит уже по ходу политических преобразований в этих странах. Уже можно предполагать, что сценарий перехода в Казахстане не будет мягким, кровь по вине режима там уже пролилась. Но консервативные силы всюду потерпят поражение — таково требование экономических условий. PR-технологии уже ничего не решат.

Как может в результате измениться динамика мировой экономики? Чего стоит ожидать в сфере технологий?

Большинство экономистов, как правого, так и левого толка предсказывают после окончания глобального кризиса слабый подъем. Вероятно, все будет наоборот. Подъем должен будет оказаться сильным. Здесь нужно указать на еще одну вероятную деталь будущей модели мирового хозяйства.

Общество привыкло считать инновационной информационную сферу. Так думают многие инвесторы. Энергетика, производственное оборудование и даже транспорт воспринимаются как нечто консервативное – подошедшее к пределу развития. Но предела развития техники не существует. Вздорожание одних энергоресурсов создает предпосылки для перехода на новые. Древесный уголь был заменен каменным, а его потеснили нефть и природный газ. В 1960-1970-е годы экономика вплотную подошла к повсеместной роботизации и автоматизации производства. Возврат к принципам широкого применения робототехники требует, прежде всего, доступности большого количества дешевой энергии.

Энергетическая революция – это главное, что, скорее всего, ожидает человечество в рамках предстоящих научно-технических перемен. Мы в ИГСО сейчас готовим аналитический доклад по этой теме. В нем будут рассмотрены конкретные технологические направления, такие как «холодный ядерный синтез» или атмосферная электроэнергетика. Потребность в дешёвой энергии необычайно велика. Представьте, что тарифы на электричество могут не расти каждый год на 10%, а снижаться, возможно, на 20-30% в первые годы. Как это отразится на себестоимости товаров? Не повысит ли одно это изменение реальные доходы населения, не станет ли первым техническим мостом на пути из экономического кризиса? А ведь есть еще вероятность широкого перехода к автономной генерации энергии.

Вероятно, важной частью предстоящей индустриальной революции станет появление новых синтетических материалов, по качеству не уступающих старым, но значительно более дешевым в производстве. Одни отрасли ждет упадок, другие – расцвет. Сложно сказать, как конкретно произойдет технологический скачок. Но можно предположить, что прорыв в энергетике обеспечит атмосферное электричество, о котором так много говорил Никола Тесла. Есть и другие варианты. Дешевая энергия облегчит развитие транспорта. И если будут открыты двигатели нового принципа или революционные способы сохранения энергии, то возможным окажется массовое производство персональных средств передвижения нового типа. Возможно доступными для широкой эксплуатации окажутся летательные аппараты, а автомобиль постепенно уйдет в прошлое. Стоит ожидать

появления новых отраслей. Старые отрасли должны будут существенно измениться; так с помощью новых материалов и дешевой энергии возможна революция в жилищном строительстве.

Стоит сказать и о социально-трудовой сфере. Ясно, что борьба с кризисом потребует жесткого регулирования и обеспечения государства ресурсами, как за счет изменения направленности эмиссии, так и за счет создания мощного национального сектора производства. Придется восстанавливать и усиливать потребителей, разоренных неолиберальной антикризисной политикой. Вероятно бюджетный сектор (образование, наука, медицина) вырастет и будет декоммерциализован, его услуги не будут платными. Интересно, что формальное сокращение рыночной зоны в общественной жизни совпадет с внутренним расширением рынка. Вероятно сокращение рабочей недели, внедрение политики всеобщей занятости, социализации иммигрантов, вывод их из искусственных гетто неформальной занятости. Должны будут подняться стандарты оплаты труда и расширяться социальные гарантии. Все описанное придет не бесконфликтно. Острыми, видимо, окажутся также международные противоречия. Центры интеграции будут конкурировать.

В каких частях мира в рамках изложенной модели активной может происходить развитие?

Наибольшие темпы роста можно ожидать не в странах центра, а в экономиках полупериферии и периферии неолиберального капитализма. Они получают шанс самостоятельного, а не подчиненного развития. Россия, вероятно, окажется одним из международных центров интеграции. Но пока сложно прогнозировать как будут складываться отношения с Западной Европой. Вероятно, Восток Европы станет зоной, за включения которой в свой защищенный единый рынок будет вестись борьба. ЕС переживает глубокий кризис и это как раз кризис неолиберальной модели интеграции. ВТО в процессе перемен потеряет значение.

Какие еще вероятные изменения в мировой экономике Вы могли бы выделить?

Дешевая низко квалифицированная рабочая сила не будет востребована в прежнем масштабе. Окажутся ценными потребители и образованный персонал. Противоречие будет разрешено через политику повышения культурного уровня масс и борьбы с безработицей, которая еще вырастет в ходе кризиса. Сокращение рабочей недели станет дополнительным стимулом для перехода на новую технику. Именно она и высокий уровень работников сделают возможным участие работников в управлении экономическими объектами, что может оказаться просто необходимо. Таким образом, уровень бюрократизма компаний, вероятно, будет снижен. Скорее всего, национализированные предприятия не будут управляться традиционно.

Общее планирование в экономике и регулирование спроса не избавит от промышленных кризисов. И в этом плане будущее не станет безмятежным. В экономике останутся риски. Появление новых отраслей повысит уровень конкуренции, что потребует более квалифицированного руководства. Прогнозировать по лекалам 1980-2000-х годов будет нельзя, и от аналитиков потребуются больше грамотности, а главное нужно будет детально изучить пройденный великий кризис.

В новых условиях затраты на преодоление экологических проблем способны оказаться

относительно невелики. Массовая переработка старого мусора при дешевой энергии может стать высоко рентабельным делом. Все это не имеет ничего общего с либеральным мифом о «зеленой экономике» с ветряными генераторами, солнечными батареями в Сахаре, биотопливом и отдельными мусорными урнами для стекла, бумажек и пластика.

Если говорить о сроках окончания периода нестабильности, то когда кризисная эпоха может завершиться?

В Докладе ИГСО «Кризис глобальной экономике и Россия» от 9 июня 2008 года нами была названа примерная продолжительность кризиса, в который тогда еще мало кто был готов поверить. Предполагалось, что пик кризиса – основное падение придется на 2009-2010 годы. Депрессия с перестройкой экономики для нового развития должна была растянуться до 2013 года. Расчет строился на опыте предыдущих больших кризисов капитализма. Как говорилось, они чередуются каждую четверть века.

Администрация США и правительства других стран смогли осуществить беспрецедентную финансовую накачку корпоративного сектора. Потери спекулянтов были восстановлены, а сами спекуляции возобновились почти с прежней силой. По некоторым оценкам частный сектор планеты получил 15 трлн. долларов, а эмиссия американской валюты превысила к 2011 году 9 трлн. Развитие кризиса замедлилось, что делает повторный крах вопросом ближайших месяцев или лет. Затягивание кризиса может привести к окончанию его позднее, чем мы прогнозировали. При этом социально-политические перемены получают дополнительное время на вызревание.

Некоторым аналитикам кажется, что современный кризис похож на кризис 1970-х годов. В глаза бросается ставка правительств на старые проверенные механизмы регулирования, странные победы с их помощью над падением экономики и новые – еще большие проблемы в итоге. Технологическая революция тогда произошла не в преддверии проблемной эпохи (как это было прежде), а уже в ходе нее. Не секрет, что многое в компьютерном и программном мире тех лет было создано энтузиастами в гаражах. Но современный глобальный кризис, это 1970-е годы наоборот. Движение в нем происходит не к установлению неолиберальной экономики, а от нее. Капитализм должен пройти от краха эффективности старой модели, через отчаянные попытки ее спасти, к установлению новой.

Скорее всего, переход от застоя к подъему на новой технологической основе не произойдет во всех странах одновременно. Запаздывающие области планеты будут обречены на особенно сильные политические потрясения. Посткризисный подъем не уничтожит отсталость, напротив – ее степень еще более возрастет, но он резко сократит пространство отсталости. Снятие проблемы неравномерности развития будет уже задачей нового исторического переворота. Рост мировой торговли не прекратится с торжеством протекционизма, но рост создаваемых больших рынков окажется еще большим. Сформируется стратегия выращивания, поддержания и защиты рынков. Оффшоры, вероятно, будут в большинстве ликвидированы. Карликовые страны лишаться перспектив.

Какие изменения могут произойти с потребительскими стандартами?

Вероятно, вкусы станут более рациональными. Это воспитывает уже кризис. Немаловажным его итогом должно будет стать изменение структуры потребления: некоторые статьи выпадут, например, медицина и образование могут стать качественными

и бесплатными одновременно. Предположительно, сильно будут ограничены права интеллектуальной собственности, что тоже высвободит у людей средства для потребления иного рода. Развитие сельского хозяйства и далее пойдет по промышленному пути. Но экологические стандарты смогут сделать его продукцию более чистой, а технологическая революция поможет сделать производство такой пищи более массовым и доступным. Тяга к здоровому образу жизни усилится, что расширит рыночные возможности в этой сфере. Современный спорт для большинства населения, это нечто для созерцания, но не для участия. Вряд ли такое положение навсегда.

Сокращение рабочего времени в жизни людей позволит им получить время для потребления (с рыночной точки зрения), а в индивидуальном восприятии — для личной жизни. Логично также предположить новый прогресс медицины при ее доступности (декоммерциализации), что позволит увеличить продолжительность жизни и уровень общественного здоровья. Сложно предположить какие виды новых товаров возникнут. Но, без сомнения, их появление и производство будет играть большую роль в экономическом развитии. Вероятно, мы увидим распространение индивидуализации заказов на продукты производства. Тяга к разнообразию будет намного большей, чем до кризиса.

Какие изменения могут коснуться налоговой политики?

Современная, неолиберальная налоговая политика убивает покупателя, хотя формально данная школа является рыночной. Но она, особенно в условиях глобального кризиса, работает на сужение потребительского спроса. При этом чиновники во всех странах не перестают удивляться, почему инвесторы пассивны, почему они не вкладывают капиталы в производство. Однако их поведение логично. Когда в странах еврозоны власти повышают косвенные налоги (ставку НДС) на товары широкого потребления и еще при этом облагают высокими налогами заработную плату, то тем самым они убивают покупателя. Сюда следует добавить налоги на жилье или небольшие земельные участки.

Все эти налоги крайне вредны для экономики. При их действии снижение налогов для бизнеса не дает эффекта, поскольку не низкие налоги создают предприятиям прибыль, а рынок. Таким образом, неолиберализм в условиях нынешнего кризиса превратился в антирыночную доктрину. Под влиянием начинающихся политических перемен налоговая политика в большинстве стран изменится. Прибыль будет облагаться намного сильнее, а косвенные налоги на потребительские товары и иные налоги на рядовых потребителей, не относящихся к верхним слоям общества, должны будут исчезнуть или значительно уменьшиться. Все это станет частью нового экономического регулирования.

Вы затронули различные моменты возможных изменений в общественной сфере, описав запускаемые в результате экономические механизмы. Что может измениться в сфере коммуникаций?

Информационная сфера продолжит развиваться, но революция здесь уже произошла. Однако в области не виртуальных коммуникаций, можно ожидать перемен. В годы кризиса Россия перешла от скромных по результатам вложений государства в дорожное строительство к коммерциализации транспорта: превращение общественных дорог в платные уже продекларировано. Но прежде — до неолиберальной эпохи дороги создавали как бесплатные не потому, что никто не додумался брать деньги за их использование. Так было все Средние века. Дороги служили и должны служить, как и вся сфера

коммуникаций, интересам национального экономического развития.

Бесплатные дороги — это один из элементов способствующих прогрессу внутреннего рынка. Вот это как раз сырьевую периферийную систему не интересует. Вместо политики, продуманных и результативных усилий, государство сваливает ответственность за разрушение инфраструктуры на слабый интерес частного сектора. Однако для того чтобы компании находили интерес вкладываться в экономику, ее необходимо развивать, создавая удобную и экономичную транспортную сеть. В городах много пользы может принести упорядоченный общественный транспорт.

Неолиберализм создал очень много противоречий в экономике. В основе многих — паразитизм некоторых видов бизнеса. Так плохое качество воды подаваемой в дома создает рынок для частных поставщиков очищенной воды. Отмена бесплатного образования порождает широкую сеть частных учебных заведений. Возможно, либеральным экономистам кажется, что так можно бесконечно расширять рынок. На деле же осуществляется перераспределение расходов. Люди могут экономить на еде и быте, но платить за учебу детей. Таким образом, одни сферы (не реальные) пожирают прибыль и потенциал развитие других, относимых к реальной экономике. Кризис показал, что это серьезная проблема.

Какими могут оказаться источники финансирования вероятной новой политики? Она не выглядит дешёвой.

Борьба с экономическим кризисом окажется дорогой. Но в отличие от проводимой сейчас в мире антикризисной политике, усилия не будут направлены лишь на временное сбивание симптомов. Контролер политики изменится в силу серьезных общественных перемен. Источников финансирования нового курса регулирования будет три: государственный сектор в экономике, налоги на прибыль, денежная эмиссия и кредитная политика банковской сферы государства. Запускать новый экономический подъем будет государственная политика. Регулирование будет опираться на внутренние ресурсы больших рынков, а не на внешние (изымаемые у периферии), как в эпоху кейнсианства. Другого механизма выхода из кризиса и дальнейшего развития не видно.

Специально стоит указать на эмиссию. В условиях кризиса она стала мощным источником субсидирования финансовых корпораций. Она носит огромные размеры, что порождает сильную потребительскую инфляцию. Таким образом, эмиссия становится средством ослабления потребителей, то есть того самого рынка, от состояния которого зависит все. Если эмиссия перестанет быть монетаристской, уменьшится в масштабе и будет направлена на поддержание спроса, прямое или косвенное, то инфляция не будет столь значительной как теперь. Дополнительное товарное предложение в ответ на рост спроса будет уравновешивать рост массы денег находящихся в обращении.

Таковы в общих чертах контуры экономики будущего. Перспектива и ее вероятные детали не является отдаленной, относимой на 2030 или 2050 год, как в большинстве механистических прогнозов, она уже начинает проступать на историческом горизонте.